

От переводчика

Адалло настойчиво просит переводчиков не приписывать ему «результаты своего творчества». Какими бы блестящими— как в случае с «Алмазным стремением» Юрия Кузнецова— ни были эти результаты. Но как же быть? Ясно же, что подстрочники не решают проблемы донесения до иноязычных читателей «идей» и «духа» шедевров, допустим, персидской или кавказской поэзии. В самом оптимальном случае— переводчик должен в совершенстве, как родными, владеть обоими языками; должен быть, как родное дитя, погружён и в ту, и в другую культуру. К счастью, современный кавказский билингвизм даёт эту надежду. Но есть и другой путь. Тот, который когда-то избрал Пушкин, отнюдь не претендовавший на лавры переводчика, когда откликался на латинские оды, или библейские стихи, или песни «Божественной комедии», или произведения итальянских, французских или английских поэтов. Он предположил своему отклику соответствующий заголовок— например, «Из Пиндемонти». И свободно парил на крыльях чужого и собственного вдохновения¹.

Марина Саввиных

Школяр, сдаю экзамен— на причастность.
О, сколько книг я не успел прочесть!
Веди строптивца, пушкинская ясность,
И не оставь, аварской стали честь.

Сейчас— не с нами... С нами— день
вчерашний.
А завтрашний маячит в отдаленье.
Мы теплимся— во тьме, родной и страшной,
На грани всякого осуществления...
«Сейчас»— сторожевая наша башня.
Мы— будущей Вселенной часовые.
День завтрашний и вечный день вчерашний
В нас, нынешних, встречаются впервые.

.....

1. Из очерка Марины Саввиных «Сердце-алмаз, или Кто наградил Адалло». День и ночь, №5/2015.

Зов вещей духов

Зов снежных вершин... если б крылья орла
В придачу к рассудку мне вера дала,
Как птица, я плывал бы в воздухе горном,
Круги нарежая по белому чёрным...
Там, в синих ущельях, под небом седым,
Бессмертным, свободным, всегда молодым
Я стал бы— и гимном священным
Ответил бы предкам нетленным...

Куда бы меня ни бросала судьба,
Каких бы грехов я ни нажил горба,—
Все тяготы, беды, наветы, раздоры—
Всю боль исцеляют родимые горы.
Лишь здесь как дитя непорочное сплю.
Лишь здесь— без оглядки— дышу и люблю.
Пусть время течёт по распадкам
Не мной заведённым порядком:

И слёзы, и кровь, что лилась, как вода,
Безбрежною тиной затянут года,
Надгробья с холодной кожей—
Столпятся у горных подножий...
Давно отшлифованы ветром до блеска,
Нет-нет да и вспыхнут— тревожно и резко—
Имён письма и отточья
Нечаянной лунною ночью.

Ты слышишь? В расселинах боли твоей,
В долинах печали— поёт соловей...
Стучат благодатные капли
По крыше доверчивой сакли.
И музыкой струн непреклонной весны,
Как в юности, тёплые души полны...
Встречай свою жизнь, человеке,
Веди достославные речи!

Что в сердце стучит— то в тамуре звучит.
Ты слышишь, как меч ударяет о щит,
Как туча над полем зевает,
Как вихрь в темноте завывает...
Не бойся! Так множится музыка сфер,
Так шум бытия обретает размер—
И шепчутся вещи духи
В твоём примередливом ухе...

Мои стихи

Я шептал вас во сне—вы мерцали во мне
Заколдованным эхом звезды перевозданной,
Я вещал, задыхаясь в священном огне,
И кружился, как дервиш, под звук барабанный.
Вы толкались в ретортах задуманных книг—
Словно буйный младенец в родительском чреве...
Обуздать вашу дерзость—и в страхе, и в гневе—
Я не сразу сумел... но однажды—постиг,
Как сплетаются вихри в мелодию гор,
Как из пепла рождается музыка рая,
Как беседой становится яростный спор
И молитвой—проклятие, в бедах сгорая...
Для того и скрижаль мне Господь приоткрыл,
Чтобы ваши черты совершенные—разом
Я схватил любопытным неопытным глазом
И с тех пор
Никогда
Не забыл.

Первого снега...

Невесомые искорки первого снега
Над распутицей ржавой.
Так бывает: зима тормозит для разбега,
Чтоб нагрязнуть державой...
Всё, что ворон накаркал: судьба и надежда,
Иступление дрёмы...
Солнце тяжко смыкает дырявые вежды...
Первый снег... невесомо...
Что ж ты дразнишь меня, прозорливая осень?
Всё, что станет со мною,
Первым снегом нашёптано шороху сосен
Под звездой ледяною...

Река моей жизни

Души пожелтевшую книгу открыл,
И дней, в суете миновавших, отару
Загнал себе в мозг, как в пустую кошару,
И реку судьбы в своё сердце пустил.

Бывалый рыбак, на крутом берегу
Сижу, уповая на добрые снасти...
Как дикая лошадь в смятении страсти,
Вся в пене, грохочет река на бегу.

И странно, что снова о жизни пишу,—
Рыбак и песчинка в свирепом потоке.
Мой век, для кого я сложил эти строки?
Глупец! о далёких потомках прошу?

Причин оборвать затянувшийся путь
Достаточно: взять бы и сбросить вериги!
Но знаки Небесной незыблемой Книги
Ведут меня вдаль—ни упасть, ни свернуть.

Моё прощание

Идрисил Мухаммаду

Да разве думал я, джигит черноволосый,
Как прутик, тонкий, лёгкий, как пушинка,
Что зеркало, в которое смотрю,
Когда-нибудь ответит мне ухмылкой
Побитого годами старика,
Ухмылкой—и язвительной, и жалкой?!

Всю грудь мою покрыла борода,
Снег, столько лет копившийся в распадке...
На тросточку-сосульку опираюсь...
— Ты кто, дедуля? На носу очки,
На лбу морщины... неужели я?
Как белый свет над парнем посмеялся!

Красавицы, любившие меня,
И те, кого любил,—давно в могилах...
Друзья, со мной шагавшие, и те,
Кто предал и продал, мне часто снятся.
А я—в их вечных снах—им так же снюсь?

..Как пел я под твоим янтарным солнцем,
О мой Кавказ! Я—пасынок орлов—
Плясал, дразня в горах твоих обвалы!
Как высохшее дерево, теперь
Держусь за почву дряхлыми корнями.

Кто руку мне подаст—когда взмолюсь
О дружеском рукопожатье? Кто,
Родной, в суровый час меня обнимет?
Горит мой скорбный дух в чужой стране,
И некому теплом его согреться...

Спасительный напрасно тлеет свет,
Творцом со мной ниспосланный на землю,
И некому прислушаться ко мне...
О рвущаяся к истине душа!

Ты слышишь приближенье милосердной
И грозной длани... Близок Азраил!

Я на опушке леса

Речушка бойкая, дочь горных ледников,
О чём бормочешь—угадаю вряд ли...
Ночь говорит со мной оркестром языков,
Как на заре времён—в родном Гидатле,
Где хоры звёзд над тёмною горой
Звенели, как небесные алмазы,—
И слышал я их музыкальный строй,
И понимал их древние рассказы...
Ночь сердца моего! Я вновь смотрю
На звёзды в умилении беспечно—
И сам со звёздным хором говорю
На языке—младенческом и вечном.

Хребет песен сломавший...

Мосты над всякой пропастью тонки,
И не от всех болезней есть лекарство.
Век, раздробивший песен позвонки,
Парализует всякое бунтарство...
А ведь стихи гремели, как набат,
Молчанье площадей перекрывали,
Манили раем и бросали в ад—
Но сделаться рабами не давали!
Моя Отчизна, ось души моей,
Надежды пошатнувшейся основа!
Не дай поганым полчищам червей
На гноище раслечь родное слово!

Ветер

Дует ветер, холодный ветер.
Гнёт деревья, ломает ветки.
Среди дня раздувает вечер,
Наигравшись плющом беседки...

Резким посвистом манит грозы,
Гонит пыль, непрерывно воя,
Мнёт кусты и терзает розы,
Страх вселяет во всё живое.

Горе встретившему ненастье
Далеко от надёжной крыши...
Дует ветер—его всевластье
Суеверий людских превыше.

Эту мощь не вмещает разум,
Это право и есть свобода!
Кто удержит его приказом?
Разве только сама природа?

Дует ветер, смертельный ветер,
Захвативший меня в дороге...
Позабыв обо всём на свете,
Унести не пытаюсь ноги.

Треплет ветер на мне одежды,
Заплясав под свою шарманку,
Не оставил уму надежды—
Душу вывернул наизнанку,

Сердце вынул—согнул, как ветку,
Гордость павшего человека...
Я—дышу, повинуюсь ветру.
Я—живое дыханье ветра.

Я и сам в этом вихре злобном
Возношусь к небесам и в поле
Рассыпаюсь—ему подобным
Изъявлением Божьей воли.

Самая прекрасная благодать

Есть лишь одно сокровище—этот миг,
Эта история длительности мгновенья.
Самая лучшая из нерождённых книг.
Самая главная тайна прикосновенья.

Ближе ближайшего, всякой родни родней—
Тот, кто сию минуту с тобою рядом.
Друг или враг—всемогущей судьбе видней,
Только сейчас его ты коснулся взглядом!

Есть лишь одна—желаннее райских струй—
Щедрость сердечная—Господи!—здесь и ныне!
Прошлого с будущим ласковый поцелуй.
Встреча листвы и ветра в людской пустыне.

Взбирается строитель облаков
По ветряной стремянке—выше, выше...
И смотрит свысока на наши крыши,
На хрупкие создания чудачков.

Мне хорошо! Я вместе с ним гляжу
Сквозь облачные башни и сугробы
На шаткие мосты и небоскрёбы—
Один этаж к другому этажу...

Смешные люди! Тысячи веков
Им не снискали истинного зренья,
Но вечно щедр—как в первый день
творенья—
Неутомимый мастер облаков.

Нелегко...

А ты думал, легко
Так любить эти горы
С их древним суровым укладом?
Эти зыбкие тропы
С крутыми обрывами рядом?
Этих кротких ручьёв
Внезапного буйства припадки—
Так ли дороги сердцу
И памяти раненой сладки?
Но несёшь эту память—
По скользким коварным дорогам,
Но хранишь свою верность
В её предпочтении строгом,
И наследуешь кровь,
И потомкам даёшь основание—
И урок, и любовь,
И судьбу, и святое призванье.